

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

КОГДА-ТО
И НЕДАВНО

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-5
В 33

Paul Marie Verlaine
JADIS ET NAGUÈRE

Перевод с французского
Иннокентия Анненского, Елены Баевской,
Валерия Брюсова, Игоря Булатовского,
Максимилиана Волошина, Анатолия Гелескула,
Майи Квятковской, Вильгельма Левика, Бориса Пастернака,
Сергея Петрова, Александра Ревича, Ивана Русецкого,
Федора Сологуба, Леонида Цывьяна, Георгия Шенгели,
Владимира Шора, Ариадны Эфрон, Михаила Яснова

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © Е. В. Баевская, перевод, 2023
- © И. В. Булатовский, перевод, 2023
- © А. М. Гелескул (наследник), перевод, 2023
- © М. З. Квятковская, перевод, 2023
- © В. В. Левик (наследник), перевод, 2023
- © Б. Л. Пастернак (наследник), перевод, 2023
- © А. М. Ревич (наследник), перевод, 2023
- © И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2023
- © В. Е. Шор (наследники), перевод, 2023
- © М. Д. Яснов (наследник), перевод, 2023
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-23254-9

САТУРНИЙСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Былые Мудрецы, что так достойны зваться,
Все утверждали — в чем досель
не разобраться, —
Что в небе — благ и бед сияют письмена,
Что каждая душа звезде подчинена.
(То объяснение загадки полуночной
Смешило многих, но порою смех досрочный
Бывает более обманчив и смешон.)
И те, кто под лучом САТУРНА был рожден,
Светила рыжего, что любо некромантам,
Отмечены меж всех, по древним фолиантам,
Печатью Желчности и веяньем Беды.
Воображенья их (бесплодные сады!)
Усилия разума к нулю немедля сводит;
В их бледных жилах кровь летучим ядом бродит,
Как лава жгучая беснуясь и бурля, —
Их скорбный Идеал мертвя и пепеля!
Так Сатурнисты все должны, в мечте о чуде,
Страдать и умирать (коль вправду
смертны люди):
Их жизнь до черточки расчерчена у всех
Холодной логикой Влияний злобных тех.

ПРОЛОГ

В те дни заветные, в том лимбе первозданном,
Где сыновья Рагху, в убранстве несказанном
Над Гангом воцарясь, блистали красотой
И славой и своей смущали чистотой
Всех демонов, богов и бхагават блаженных,
К Нирване устремясь в дерзаниях смиренных,
Чисты и юны были море, небеса,
Земля, и в воздухе искрился, как роса,
Свет золотой, в те дни смиряли бег строптивый
И ветер, и волна, и умолкали нивы,
Когда, остановив упрямых стай полет,
Певцы святыя прославляли воевод.
Лишь в эти дни земля, и небо, и пучина
Видали, как в поту сурового почина,
Винясь в кровавых злодеяниях своих,
Владыки падали к стопам певцов святых!
И связан был родством таинственным и прочным
Бесстрастный кшатрия с поэтом непорочным,
Вальмики божий дар и Рама божий гром —
Две падмы, что сплелись друг с другом над прудом.

— Потом, под небом золотым Эллады вечной,
От Спарты боевой до Аттики беспечной,
Аэды славились везде — Орфей, Алкей —
И лирой звонкою, и ловкостью мечей.

И пусть Гомер слепой к мечу не прикасался,
Он так сраженья пел, чтоб вечно раздавался
В грядущем отзвук их, чтоб мир вас не забыл
Вовеки, Одиссей, и Гектор, и Ахилл.
Герои, в свой черед, когда стихали битвы,
Спешили к музам вознести свои молитвы,
Ценили равно ловкий меч и ловкий слог,
И пальмовую ветвь, и лавровый венок.
Ахилл — среди других! И Лаэртид своими
Великомудрыми речами золотыми
Смягчал воинственные души; так Орфей
Игрой на лире приручал лесных зверей.

— Поздней, в других краях, суровых
и просторных,

У наших праотцев, у франков многоборных,
Трувер бесстрашный, исполняя долг святой,
Бок о бок с рыцарями шел на смертный бой,
И песнь Турольд слагал о короле великом,
Племяннике его, что пал в ущелье диком,
Турпене доблестном и Оливье прямом
В тирадах ярких, в ритме резком и живом,
Чтоб век спустя, среди усобицы и смуты
Вассалы-гордецы на краткие минуты
Вложили в ножны окровавленную сталь
И вспомнили о тех, кто видел Ронсеваль,
О тех, кто был убит в бою в стране скалистой,
О Шарлемане с бородою серебристой.

— Расторгнут в наши дни извечный тот союз
Деянья и мечты, властителей и муз,
И многие сочли приметой роковою
Разлад меж силой и возвышенной мечтою.

Та сила, что всегда поэты в удилах
Держали, тот скакун крылатый в небесах
Сияющих, теперь та сила — зверь кровавый,
Прыгучий и тупой, и жаждущий расправы,
Готовый ко всему: погромам, и резне,
И грабежам по всей земле, в любой стране!
Деянье, что всегда настраивало лиры,
Теперь ты ставишь преступлениям кумиры,
Повсюду сеешь исступленье и раздор,
Деянье в наши дни, деянье — о позор! —
Ты ураган, ты шквал и смерч, ты зыбь морская,
Что, в глубине беззвездной ночи набухая
И опадая, отражает средь валов
Лишь молний перепляс в разрывах облаков.

— Но, выпренок нежны, там вдалеке, где дрязги
Дней наших не слышны, где слух не режут лязги
Штыков продажных, там, где взгляд не разберет,
Там, в вышине, поэты шествуют вперед
В одеждах белых и в лучах апофеоза,
И миру дольнему являет эта поза
Бесстрастность гордую, невинность, красоту
И погруженность в несказанную мечту.
Мир отвергает их пророческое слово.
Что ж! И они в ответ отвергли мир сурово,
Поскольку поняли, что не хотят мешать
Свой безупречный слог с тем, что людская рать
Кричит на площадях похабно и смятенно, —
И покоряются изгнанию вдохновенно.
Лишь красоте поэт отныне подчинен,
Лазурь — его штандарт, а идеал — закон!
Не стоит ни о чем его просить: виденье
Таинственных вещей в его зрачках свечение

Оставило, теперь он больше ни на час
Не обратит своих замороженных глаз
На суету людей в их устремление пошлом,
Обыденной грызне; пускай в далеком прошлом
Являлся он среди народа своего
И плакал вместе с ним, и вдохновлял его
На битвы, прославлял республик окаянство,
Блеск воинских заслуг и царственное чванство,
Под звон кифары, арфы, лютни, иногда
Свой восхваляя век по праву, без стыда,
И роль священника играл, и роль пророка,
Вязал и разрешал, был судьей порока,
Смеялся и рыдал с народом заодно,
Рассудком проникал людской души на дно, —
Он больше не впадет в такие заблужденья.

— Ступай же, книга! В путь, по воле Провиденья!

MELANCHOLIA

Эрнесту Бутье

I ПОКОРНОСТЬ

В детстве Кохинур влек сердце мое,
Папства мощь и блеск, мечты о серале,
Гелиогабале и Сарданапале!

Золоченых крыш тонкое литье,
Густой аромат, напев неизвестный,
Без конца — гарем, вечный рай телесный!

Ныне я скромней, но еще горяч,
Только, зная жизнь и ее повадки,
Малость присмирел: теперь без оглядки,
Безумство свое не брошу я вскачь.

Пусть мне не сорвать великих удач,
Но к черту все сливки и к черту осадки!
Ненавистны мне красоток ухватки,
В рифме ассонанс и дружок-ловкач.

II
НИКОГДА ВОВЕКИ

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеянье.

Мы с нею шли вдвоем. Пленили нас мечты.
И были волоса у милой развиты, —
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный и взор ее тревожный
Я молча отвечал улыбкой осторожной
И руку белую смиренно целовал.

— О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признание лепетали!

III ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

Толкнув калитку, меж деревьев, озаренных
Рассветом, я прошел в простой и тихий сад:
Он солнцем утренним был бережно объят,
И блески влажные мерцали на бутонах.

Всё как тогда... Я вспоминал: уют сплетенных
Ветвей над головой, плетеных стульев ряд,
И бормотал фонтан, как много дней назад,
И вечный стон звучал все в тех же старых кронах.

Дрожали розы, как и прежде, поутру,
Как прежде, лилии качались на ветру,
Здесь даже ласточки и те — мои знакомки.

К Веледе царственной забытые следы
Вновь привели меня под сень листвы, в потемки...
О гипс облупленный средь пошлой резеды!

IV ОБЕТ

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос
И дерзость робкая пылающих лобзаний!

Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренней любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли — и вот царит мороз
Тоски, усталости, и нет очарований.

Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.

О женщина, с душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничем и кто, порой
Как мать, с улыбкою, вас тихо в лоб целует!

V
УСТАЛОСТЬ

A batallas de amor campo pluma.

Gongora

О нет, любимая, — будь нежной, нежной,
нежной!

Порыв горячечный смири и успокой.
Ведь и на ложе ласк любовница порой
Должна быть как сестра — отратно-безмятежной.

Стань томной; с ласкою дремотной и небрежной,
Размерь дыхание, взор сделай мирным твой.
Объятий бешеных дороже в час такой
Твой долгий поцелуй, хоть лжет он неизбежно.

Но в сердце золотом, ты шепчешь, у тебя
Страсть бродит рыжая, в призывный рог трубя;
Пусть, шлюха, подудит в томлении незрячем.

Твой лоб на мой склони, ладонь в ладонь вложи
И клятвы расточай (а завтра не сдержи),
Девчонка шалая, — и до зари проплачем!

VI

СОН, С КОТОРЫМ Я СРОДНИЛСЯ

Мне душу странное измучило виденье,
Мне снится женщина, безвестна и мила,
Всегда одна и та ж и в вечном измененье,
О, как она меня глубоко поняла...

Всё, всё открыто ей... Обманы, подозренья,
И тайна сердца ей, лишь ей, увы! светла.
Чтоб освежить слезой мне влажный жар чела,
Она горячие рождает испаренья.

Брюнетка? русая? Не знаю, а волóс
Я ль не ласкал ее? А имя? В нем слилось
Со звучным нежное, цветущее с отцветшим;

Взор, как у статуи, и нем, и углублен,
И без вибрации спокоен, утомлен.
Такой бы голос шел к теням, от нас ушедшим...

VII ЖЕНЩИНЕ

Тебе мои стихи о ласке утешительной
Очей, где слезы радости, где сладкая мечта,
О сердце кротком, девственном.

Сложилась песня та
Во тьме моей тоски, безумно разрушительной.

Повадился ко мне, увы! кошмар губительный.
Растет, как стая жадная волков из-за куста.
Нет от него спасения, жизнь кровью облита,
Он давит сердце мне с жестокостью мучительной.

Томлюсь, томлюсь безрадостно, и первая тоска
Адама в первый день внезапного изгнания,
Как нежная идиллия, перед моей сладка.

Твои ж заботы все отрадней щебетания —
О милая! — тех ласточек, что в небе голубом
Летают ранней осенью, прохладным светлым
днем.

VIII ТОСКА

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно искусство мне, и Человек, и ода,
И песенка, и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
Что́ мне добро и зло, и рабство, и свобода!

Не верю в Бога я, не обольщаюсь вновь
Наукою, а древняя ирония, Любовь, —
Давно бегу ее в презренье молчаливом.

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как челн,
Забывтый, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн.

ОФОРТЫ

I ПАРИЖСКИЙ НАБРОСОК

Под тупым углом цинком расстилать
 Стали свет луны.
Дымные хвосты в виде цифры пять
С острых крыш вились, густы и черны.

В серых небесах ветер ледяной
 Плакал, как фагот.
Где-то, притаясь, робкий и больной,
Странно и хрипя, промяукал кот.

Я бродил, и мне Фидий и Платон
 Мнились в этот час,
Также Саламин, также Марафон,
И мигал во тьме синим глазом газ.

II НОЧНОЙ КОШМАР

Мне явился в кошмаре сонном —
Так несется тайфун по склонам —
С боевым мечом обнаженным
И клепсидрою роковой
Верховой

Из немецкой древней баллады,
И — его — через все преграды,
Через горы и водопады
По полям из конца в конец
Жеребец

Ало-пламенный, адски черный,
Без седла, без узды наборной,
Без хлыста седоку покорный,
Мчал, не оставляя следá,
В никуда!

Под полями шляпы широкой
То блеснет, то померкнет око;
Так внезапно во тьме глубокой
Извергает гибельный свет
Пистолет.

Верлен П.

В 33 Когда-то и недавно : стихотворения / Поль Верлен ; пер. с фр. И. Анненского, Е. Баевской, В. Брюсова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 400 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-23254-9

Поль Верлен (1844–1896) придумал термин «проклятые поэты» — так он обозначил талантливых отщепенцев, не способных и не желающих вести добропорядочную буржуазную жизнь. И сам он тоже был из их числа. Судьба ли вела Верлена путаными тропами, или он своевольно заставлял ее круто менять маршрут, но метаний на его долю выпало много: он то решал жениться и остепениться, то, бросив семью, пускался в странствие с юным Рембо, то пытался стать фермером, то сидел в тюрьме. Неизменным в его жизни оставалось лишь одно: он писал стихи — музыкальные, удивительные по силе воздействия, оказавшие огромное влияние на его современников и поэтов следующих поколений, в том числе и в России.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-5

Литературно-художественное издание

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

КОГДА-ТО И НЕДАВНО

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Маргарита Ахметова, Оксана Пирязева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.05.2023. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 16,5. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-PTR-32204-01-R